

Сун Цинлань заволновалась и, не заботясь больше ни о чем, поспешно откинула занавеску. Мэн Хуайюэ сидела, прислонившись к стенке кареты, с плотно закрытыми глазами. Ее брови были сурово сдвинуты, лоб покрылся холодным потом, а лицо выглядело бледным и изможденным.

— Принцесса? — позвала Сун Цинлань, забираясь внутрь.

Не получив ответа, она взяла бурдюк с водой, обхватила Мэн Хуайюэ рукой и, осторожно приподняв ее голову, уложила себе на плечо, пытаясь напоить.

У Мэн Хуайюэ кружилась голова, мысли путались. Она то закрывала глаза, то с трудом приоткрывала их. Почувствовав, что оказалась в теплых и надежных объятиях, она с трудом сделала несколько глотков воды, и ей сразу стало легче.

В прошлой жизни она знала, что не переносит поездок в карете: постоянная качка была невыносима. Поэтому каждый раз, когда они с Сун Цинлань выезжали за город, они ехали верхом на лошадях, наслаждаясь свободой. Как ни странно, при верховой езде она прекрасно переносила тряску, но стоило оказаться внутри экипажа, как внутри все начинало переворачиваться — это мучительное состояние невозможно было описать словами.

Сун Цинлань отставила бурдюк в сторону и выпрямилась, не разжимая рук, которыми поддерживала Мэн Хуайюэ за плечи. Она боялась пошевелиться, чтобы та не упала.

Мысли Мэн Хуайюэ начали проясняться. Она почувствовала исходящий от Сун Цинлань тонкий, едва уловимый аромат. Запах ей очень понравился, и, поддавшись порыву, она невольно придвинулась ближе к груди своей спасительницы.

— Принцессе стало лучше? — Сун Цинлань, с трудом перенося эту близость, вся задрожала. Она подумала, что если той стало лучше, то пора отпустить ее и отодвинуться подальше.

— Нет! Мне все еще очень плохо! — Мэн Хуайюэ почувствовала, как та пытается отстраниться, и это вызвало у нее протест. Она протянула руки, обхватила Сун Цинлань за талию и крепко прижалась к ней.

В этой жизни она хотела быть дерзкой. Она сама потянулась к ней. Воспитание, правила приличия, высокий титул принцессы — всё это стало для нее неважным. Ей была нужна только она, и этого было достаточно.

От неожиданности, когда ее талию крепко обняли, Сун Цинлань застыла, словно парализованная заклинанием. Сердце готово было вырваться из груди, и она не смела пошевелиться. Время тянулось медленно. От чрезмерного напряжения ее тело онемело, мышцы натянулись, как тетива лука, она потеряла всякую чувствительность, словно стала чужой самой себе, и даже дышала с величайшей осторожностью.

— Принцесса, зачем вы это делаете? — прошептала она.

Ты ведь уже любишь другого, зачем же тогда бередишь мое и без того беспокойное сердце? Сун Цинлань очень хотела спросить, почему та вечно так поступает с ней: дает надежду, а потом безжалостно ее растаптывает.

— А-Лань, я не люблю, когда ты зовешь меня принцессой. Можешь называть меня А-Юэ? — Мэн Хуайюэ еще крепче обняла ее за талию. Она и не думала, что талия у нее такая тонкая, но при этом чувствуются крепкие мышцы — удивительное сочетание силы и нежности.

Ее взгляд невольно задержался на талии, чувства захлестнули ее, и на щеках проступил легкий румянец.

— Неужели твое сердце из железа и камня? Я ведь в таком положении, разве ты до сих пор не понимаешь, что я к тебе чувствую? Неужели А-Лань считает меня легкомысленной женщиной, способной на такое с кем попало?

Услышав это внезапное признание, Сун Цинлань вздрогнула, словно от удара молнии. В этот миг сердце бешено заколотилось, наполняясь невыразимой радостью. Но вслед за восторгом, словно темные тучи, нахлынули сомнения. Она нахмурилась, вспоминая прошлое. Она отчетливо помнила ту нежность и улыбки, которые та дарила другим, помнила, как пьяная Мэн Хуайюэ обнимала ее и плакала по другому. Неужели все это было ошибкой? Или она действительно изменила свои чувства?

Но почему так внезапно, без всякого предупреждения? Множество вопросов кружилось в голове, как запутанный клубок. Она попыталась найти ответ в ее глазах и увидела лишь бездонную нежность и блеск слез.

Сун Цинлань не сдержалась и высказала то, что мучило ее:

— Разве у принцессы уже нет того, кто дорог ее сердцу?

— А-Лань, о ком ты говоришь? — Мэн Хуайюэ была озадачена. Она хотела докопаться до истины, понять, почему та, явно испытывая к ней чувства, постоянно отталкивает ее.

— Се Лансюань! — набравшись смелости, выпалила Сун Цинлань.

— Се Лансюань? Почему ты решила, что это он? — Мэн Хуайюэ задумалась: неужели это из-за того дня, когда она намеренно шутила с ним, чтобы вызвать у той ревность?

Сун Цинлань помолчала, а затем произнесла:

— В тот вечер на праздничном пиру я видела, как ты перепила вина и упала, я подошла, чтобы помочь тебе. Ты... ты обнимала меня, плакала и звала А-Лань. Сначала я думала, что ты зовешь меня, но мы ведь тогда еще не были знакомы. А вчера, увидев, как нежно ты улыбаешься Се Лансюаню, я поняла, что звала ты его. Ты сказала... сказала, что любишь его!

Сердце Сун Цинлань сжалось от боли, словно его стянули тугой веревкой. Столь скрытному и молчаливому человеку, как она, стоило огромных усилий произнести эти слова. Но она больше не хотела гадать, она хотела прояснить всё раз и навсегда, чтобы с этого дня вырвать эту любовь с корнем.

Вот оно что! Мэн Хуайюэ наконец получила ответ на то, что так долго ее мучило. Значит, та ночь не была сном, А-Лань действительно шептала ей на ухо, что прощает ее и больше не покинет.

— А-Лань, я люблю тебя! Только тебя, Сун Цинлань, и никогда не было никого другого, — Мэн Хуайюэ приподнялась в ее объятиях и, глядя прямо в глаза, с глубоким чувством произнесла ее имя по слогам. — Мне приснился сон, будто я выхожу замуж за человека, и этот человек — ты. Это твоё имя, твоё лицо. Я чувствую, что в прошлой жизни мы были вместе. Это судьба, что мы встретились в этой жизни.

Мэн Хуайюэ солгала. Она не осмелилась рассказать правду о прошлой жизни. Она была тогда так жестока, так сильно ранила ее, и в прошлой жизни их ждал печальный конец. Она боялась, что если расскажет всё, Сун Цинлань убежит еще дальше и будет избегать ее еще сильнее. Поэтому она могла лишь сослаться на сон, чтобы объяснить, почему узнала и полюбила ее, даже не будучи знакомой.

Сун Цинлань смотрела в эти пылкие и искренние глаза и на мгновение замерла, не зная, что ответить. Радость переполняла ее, каждая клеточка тела ликовала. Но она также боялась, что это лишь хрупкий сон, который рассеется, как пена, стоит лишь неосторожно вздохнуть. Однако взгляд Мэн Хуайюэ был таким твердым и полным любви, что в нем невозможно было усомниться.

— Но я... — слова о том, что она женщина, никак не могли сорваться с губ Сун Цинлань. Она не могла этого сказать. Если люди узнают, что она женщина, ее родители пострадают из-за нее. Она просто не знала, как ответить.

Мэн Хуайюэ мягко прижала пальцы к ее губам, прошептал:

— А-Лань, у каждого есть то, о чем нельзя говорить вслух, что скрыто в глубине сердца и не предназначено для чужих глаз. Это нормально. Если не хочешь говорить — я не стану спрашивать. Я готова ждать, пока ты сама мне расскажешь.

За что мне такая честь, такая любовь? — подумала Сун Цинлань. Мало кто из женщин в этом мире обладает подобным великодушием. Ее доброта была словно яркий луч света, озаривший ее сердце.

— Ну так как теперь А-Лань должна меня называть? — игриво спросила Мэн Хуайюэ.

— А-Юэ...

<http://bllate.org/book/21492/2200603>